Юй Ян не удержался от улыбки:

— Нет. Я хотел сказать, что эта комната слишком захламлена. Я уже разобрал часть лекарственных трав, но остальное по-прежнему в беспорядке. Пользуясь тем, что сейчас холода и делать нечего, можно навести порядок, и тебе будет удобно брать нужные вещи.

Тянь Яо с облегчением вздохнул, подумал и сказал:

— Ладно, тогда завтра и начнём убирать.

Комната, где хранились разные вещи, когда-то была комнатой Тянь Яо. После смерти папы и маленького папочки он переехал в их старую комнату, а та, в которой он жил раньше, стала временным складом. Папа собирался через некоторое время построить ещё одну комнату для этих вещей, но не успел — они ушли.

Потом Тянь Яо, когда приносил травы или какие-нибудь редкости, всё складывал туда, и постепенно вещей накопилось так много, что у него не было желания их разбирать. Но сейчас, когда Юй Ян заговорил об этом, ему тоже захотелось привести в порядок всё, что осталось после отцов.

На следующее утро они встали рано. Снега в этот раз не было, но в оттепель было ещё холоднее, поэтому они поставили в кладовке жаровню с углями. Пепел перемещался вместе с жаровней — куда она, туда и он.

В комнате было не слишком сыро. Тянь Яо подкатил Юй Яна к двери. Внутри действительно всё было завалено. Сначала он стал передавать Юй Яну мешки с травами, которые лежали ближе всех. Юй Ян посмотрел на беспорядочную кучу сушёных трав и спросил:

— Ты знаешь, какие у них свойства?

Тянь Яо покачал головой:

— Нет. Пока они не высушены — знаю, а высушенные — уже нет.

— Ты их тоже искал по книжечке маленького папочки?

Тянь Яо кивнул:

— Он боялся, что я буду жить один и не справлюсь, поэтому перед смертью нарисовал мне много всего.

Юй Ян принялся разбирать травы по видам, а Тянь Яо стал смотреть, что ещё есть в комнате.

Там же лежали шкуры, которые накопил отец. Они были аккуратно сложены — оставалось три или четыре штуки. Одну он раньше продал.

В углу комнаты стоял сундук. Тянь Яо не мог вспомнить, что там лежит.

Он перетащил сундук на середину, присел на корточки и открыл. На сундуке уже лежал слой пыли. Тянь Яо вдруг вспомнил: кажется, это был сундук маленького папочки, только они никогда его не открывали.

Тянь Яо откинул крышку — внутри тоже были книжечки. Тянь Яо не знал, когда маленький папочка их нарисовал. Бумага уже пожелтела, казалось, прошло много лет.

Юй Ян тоже подъехал к нему. Тянь Яо протянул ему одну из них. Юй Ян посмотрел на странные, едва напоминающие иероглифы знаки и тоже ничего не понял:

— Что это?

— Похоже, это записи маленького папочки. — Тянь Яо сел прямо на пол и принялся листать. Он вспомнил, что маленький папочка, когда он был маленьким, пытался учить его этим знакам, но теперь он всё забыл.

— Если бы я в детстве не был таким шаловливым, — с сожалением сказал Тянь Яо. Он больше не узнавал эти знаки, только смутные обрывки воспоминаний сохранились в памяти.

— Каким человеком был твой маленький папочка? — спросил Юй Ян.

Тянь Яо прижал книжечку к груди и задумался:

— Он всегда был очень мягким и добрым. Но иногда говорил странные вещи. Особенно в тот месяц после смерти папы — он говорил мне так много, так много, но я всё забыл.

Он посмотрел на Юй Яна:

— Ты тоже не можешь прочитать?

Юй Ян покачал головой:

— Я точно могу сказать, что это не письменность государства Даюэ

— Значит, это для маленького папочки очень важные вещи. — Тянь Яо отложил эти записи. Таких книжечек было ещё много — все они были исписаны этими странными знаками. Тянь Яо сложил их в сторону.

Он снова зарылся в сундук. Там лежал браслет из звериных клыков — маленький. Тянь Яо взял его в руки:

— Это, должно быть, моя вещь из детства.

Потом он нашёл серебряный замок-оберег:

— Это тоже, наверное, моё.

В маленьком сундуке хранилось его счастливое детство. Они с Юй Яном долго разглядывали эти вещи, пока не пересмотрели всё.

В самом низу Тянь Яо нащупал маленький кисет. Кисет был тяжёлый. Тянь Яо развязал его — внутри оказались семена.

Он не надеялся, что Юй Ян узнает эти семена — всё-таки тот никогда не был крестьянином, спрашивать его было бесполезно.

— Юй Ян, когда наступит весна, я посажу эти семена. Посажу на нашем огороде.

Юй Ян кивнул:

— Хорошо.

Больше ничего, что могло бы их задержать, не нашлось. Тянь Яо перебрал шкуры — решил, что в солнечный день вынесет их проветрить. Травы Юй Ян разобрал по видам и даже сделал пометки.

Трав, которые собрал Тянь Яо, было много, и все они были очень хорошего качества. Если продать их в аптеку, можно было получить неплохую сумму.

Сундук маленького папочки Тянь Яо вытер и перенёс в их комнату. Он хотел попробовать ещё раз, не вспомнит ли, что означают те знаки. В этом Юй Ян действительно ничем не мог ему помочь.

Осмотрев аккуратно убранную комнату, Тянь Яо отряхнул с себя пыль:

— Всё!

Он откатил Юй Яна обратно в комнату, держа в руках кисет с семенами. Он рассортировал их по видам и спросил Юй Яна:

— Из этого действительно что-то вырастет?

— Не знаю. Надо попробовать.

Тянь Яо кивнул:

— Весной давай ещё заведём несколько цыплят.

— Давай.

— Через пару дней поедем в посёлок за новогодними припасами? Нужно будет купить иероглиф «счастье» и парные надписи на ворота. — Тянь Яо сказал и посмотрел на него. — Ты умеешь их писать?

Судя по виду, Юй Ян был учёным, значит, кисть, наверное, в руках держать умел?

— Покупай только красную бумагу, я напишу сам.

Глаза у Тянь Яо засветились:

— Ты очень хорошо пишешь?

— Нормально.

— Тогда мы могли бы написать парные надписи для всей деревни. По паре монет за пару.

Раньше в деревне Хуайлин парные надписи либо покупали в посёлке, либо Тянь Вэнь приезжал и открывал в деревне ларёк. Тянь Яо видел его надписи — написано было не очень хорошо, а стоили они три монеты.

Но тут он забеспокоился — а вдруг у Юй Яна есть та самая «учёная гордость», о которой говорил Тянь Вэнь, и он считает, что менять свой талант на деньги — это стыдно.

— Если ты не хочешь, напишем только для себя.

— Всё нормально, я напишу. — Юй Ян улыбнулся ему. — Нет причин, чтобы все домашние расходы ложились только на тебя. Если я смогу заработать немного, делая то, что умею, это будет хорошо.

Только тогда Тянь Яо улыбнулся.

До Нового года оставалось всё меньше дней. Несколько дней шёл снег, а сегодня, впервые за долгое время, выглянуло солнце. Тянь Яо одел их обоих потеплее, и они вместе с повозкой старосты отправились в посёлок.

Когда они приехали, Тянь Яо снял коляску и покатил Юй Яна перед собой. Из-за того, что приближался Новый год, на улицах посёлка было очень оживлённо, и уличные торговцы

разговаривали громче, чем обычно.

Тянь Яо наклонился вперёд:

— Юй Ян, что нам купить?

— У тебя ведь тоже есть, то что хотелось купить? — Юй Ян никогда раньше не готовился к Новому году — он не знал, что нужно. Новую одежду им сшили давно — опять же тётушка Шунь, по одному комплекту на каждого.

Новогодний ужин они не хотели делать слишком сложным — они просто собирались съесть то, что им нравится, а нравился им — «хот-пот». Тянь Яо подумал: в новогоднюю ночь вдвоём сидеть у бурлящего котелка — это, наверное, тоже неплохо.

— Юй Ян, а я слышал, что на Новый год надо лепить цзяоцзы*. — Он катил коляску, и прохожие задерживали взгляд на Юй Яне, точнее — на коляске, в которой он сидел.

— Ты умеешь их лепить? — улыбнулся Юй Ян.

Тянь Яо покачал головой:

— Маленький папочка меня не научил, даже в книжечку не зарисовал.

— Тогда и не будем.

У них не было специального списка, поэтому они разглядывали на улице всё новое и необычное. Если Юй Яну что-то нравилось, они покупали.

В конце концов они дошли до лавки, торгующей кистями и тушью. Тянь Яо хотел купить Юй Яну кисти и тушь.

Иногда он видел, как Юй Ян, водя кончиками пальцев по книжечке маленького папочки, что-то чертит. Если бы у него была кисть, он мог бы написать то, что хочет. Но кисти и тушь были самыми дорогими вещами. Тянь Яо помнил, что семья Тянь Лю каждый год тратила на кисти, бумагу и тушь для Тянь Вэня и плату за обучение огромные деньги.

Тянь Яо сжал в руке кошелёк и закатил Юй Яна в лавку. Хозяин лавки сначала взглянул на Тянь Яо — сразу понял, что это неграмотный гэр, который землю копает. Но тот, кого он толкал перед собой, был другим. По нему сразу было видно, что он начитан, и от него исходила особая учёная благородность. Поэтому хозяин сразу расплылся в улыбке.

— Что желают посмотреть уважаемые господа?

Тянь Яо ничего не понимал. Если бы не Юй Ян, он бы, наверное, никогда в жизни не зашёл в такую лавку.

— Мужу моему кисти и тушь купить, — сказал Тянь Яо, видя, что Юй Ян молчит.

— Кисти у меня есть разных видов: из волоса дикого зайца, из козьего волоса. Дороже — из волка и так далее. Какую кисть желаете?

Тянь Яо совсем ничего не понял и беспомощно посмотрел на Юй Яна.

Юй Ян легонько похлопал его по руке:

— Самые дешёвые.

Улыбка на лице хозяина сразу померкла, и он скупо ответил:

— Самые дешёвые — из свиной щетины, пять монет штука. Самая дешёвая тушь — тридцать монет за плитку.

Тянь Яо загнул пальцы, подсчитывая, и сказал:

— Если мы купим побольше, можно дешевле?

Хозяин посмотрел на него с недоверием:

— Это и так самая низкая цена. Ты ещё просишь уступить? Сколько же ты хочешь купить?

— Пять самых дешёвых кистей, одну волчью кисть, две плитки туши и одну пачку бумаги.

— Всего пол ляна серебра, — сказал хозяин, не желая с ним препираться.

Тянь Яо всё равно считал, что дороговато. И сказал:

— Тогда добавьте мне ещё кистей в подарок.

Юй Ян легонько похлопал его по руке:

— Яо-гэр…

В конце концов, благодаря настойчивости Тянь Яо, они купили одну волчью кисть, восемь кистей из свиной щетины, одну плитку туши местного производства и ещё выторговали у хозяина в подарок деревянный пресс-папье. Не очень красивый, с царапинами — видимо, кто-то тренировался и вырезал, а продать всё равно было некому, вот хозяин и отдал.

— Я погляжу, кто это здесь в книжной лавке торгуется! Тебе не кажется, что твоя скупая деревенская натура оскверняет книжный аромат в этом заведении?

Тянь Яо положил кисти и тушь на колени Юй Яна и повернулся к Тянь Вэню, который стоял в дверях лавки:

— Что за чушь ты несёшь!

п/п:

Цзяоцзы (□□, jiǎozi) — пельмени, традиционное новогоднее блюдо в Северном Китае. Их форма напоминает старинные китайские слитки серебра (юаньбао). Считается, что чем больше цзяоцзы съешь на Новый год, тем богаче будешь в наступающем году. В Южном Китае больше распространён няньгао (□□□, «новогодний пудинг из клейкого риса»).

«Одна пачка бумаги» (□□□, yī dāo zhǐ) — традиционная единица измерения бумаги в Китае. «Один нож» (□□) обычно равняется 100 листам.

Прижим для бумаги (□□, zhènzhǐ) — тяжёлый брусок, обычно из камня, дерева или металла, который кладут на бумагу, чтобы она не сдвигалась при письме. Входит в «четыре сокровища кабинета учёного» (□□□□, wénfáng sì bǎo), куда также входят кисть, тушь и бумага. Является символом образованности и часто украшается резьбой.

http://bllate.org/book/17624/1640708